

дельно – в одном метафорическом выражении одна метафорическая модель, а вместе – в одном метафорическом выражении несколько метафорических моделей. Например, в нашем материале примеры из НКРЯ: *Но мысль не слушалась, слепла, гложла и металась...* (В. Токарева); *Бледные, путаные мысли, воспоминания рвались, скрипели; ...кружащее блуждание немых чувств, мыслей...* (Л. Улицкая).

Подобная сочетаемость не воспринимается как «причуда стиля» именно за счет взаимодействия когнитивных признаков, в наших примерах – это признак «контакт». Размышлять, думать, понимать – устанавливать контакт: *искать, бродить, слегка приближаться, касаться, скользить, погружаться; слушать, видеть, чувствовать* и под.

Литература

Виноградов В.В. Слово и значение как предмет историко-лексикологического исследования // Виноградов В.В. История слов. Москва, 1994. С.17.

Илюхина Н.А. Роль метонимии в интерпретации концептосферы «Человек» (на материале ментальной модели «вместилище») // Вестник Самарского государственного университета. №3. 2002.

Шиффман Х.Р. Ощущение и восприятие. 5 издание. СПб, 2003. С. 24-25.

Е.В. Вырвцева (Россия, Самара)

ИНТЕРТЕКСТУАЛЬНОСТЬ СОВРЕМЕННОЙ ГАЗЕТНОЙ ПУБЛИЦИСТИКИ: ПРОБЛЕМА ИНТЕРПРЕТАЦИИ

Современный газетный текст как высшая единица коммуникации, как сложная система реагирует на изменения, происходящие в обществе, в журналистике, в языке. Назначение публицистики – исследовать и оценивать многогранность процессов, происходящих в современной действительности. Публицистический дискурс, «социально обусловленная организация системы речи и действия» [Совр. филос. словарь 1998: 249], предполагает производство и восприятие текстов в пространственно-временном континууме. Условием успешной реализации данного процесса является адекватность интерпретации заключенной в тексте информации адресантом и адресатом. Именно тексты СМИ в настоящее время стали основными «поставщиками» коллективного знания, медиа-вирус (Д. Рашкофф) превратился в потребность узнавать мир через газетный (в широком смысле) образ. Поэтому проблема интерпретации публицистического произведения представляется сегодня важной и актуальной.

Как известно, любой текст имеет уровень содержания и уровень выражения, причем автор и реципиент движутся навстречу друг другу: первый идет от уровня содержания (идея, смысл) к уровню выражения (слово и его значение), а второй – наоборот. Соответственно, успешность интерпретации зависит от того, насколько точно была выбрана знаковая система, в какой степени совпадают представления участников коммуникативного акта о значении того или иного знака. М.Ю. Федосюк пишет о тенденции признания «презумпции коммуникативного равенства адресанта и адресата» [Федосюк 1998: 3]. Однако совершенно очевидно, что абсолютное равенство в подавляющем большинстве случаев исключено, тем более, если речь идет о восприятии газетного текста, когда в роли адресата выступает массовая аудитория. А.В. Пузырев выделяет пять ступеней сущности текста (уровень мышления, уровень языка, уровень психофизиологии, уровень речи, уровень коммуникации) и делает вывод: «Точно так же как только в общении речь выражает не содержание, а личностно-ориентированный смысл – точно так же один и тот же текст существует столько раз, сколько раз его читали и воспринимали» [Пузырев 2007: 243]. При этом для публициста, актуализирующего социально значимые знания, особенно важно, чтобы его услышали и поняли смысл его «Послания» (Л.Е. Кройчик).

Публицистический текст относится к воздействию типу дискурса, для такого вида текстов характерны «политико-идеологический модус формулирования, социальная и авторская оценка, прагматическая направленность на адресата и определенная парадигма лингвистических стратегий и тактик убеждения» [Клушина 2007: 78]. Эстетика постмодернизма и условия конкуренции обусловили возникновение таких тенденций, как персонификация и персонализация текста [Кройчик 2010]. Одним из наиболее ярких проявлений этих тенденций следует признать интертекстуальность современной газетной публицистики. Под интертекстуальностью принято понимать включение в текст ссылок (цитат, реминисценций, аллюзий) на другие тексты [Ильин 2011]. Прецедентные тексты превращаются в определенный «банк данных»,

позволяющий публицисту: расширить границы сообщения, т.е. границы смысла; использовать чужое мнение как убедительный аргумент; наиболее ярко и экспрессивно выразить свое отношение к объектам исследования. Об условиях успешного функционирования приема «текст в тексте» пишет Т.Ю. Тамерьян: «Для правильного восприятия текстов необходима декодировка прецедентности, поскольку текстовая прецедентность пронизывает всю текстовую концептосферу» [Тамерьян 2007: 249]. При очевидных преимуществах интертекстуальности есть и ряд серьезных трудностей, связанных в первую очередь с проблемой интерпретации: отсылки к прецедентным текстам всегда связаны с прагматическим усложнением текста. Обозначим некоторые аспекты данной проблемы.

Наиболее точное разъяснение смысла, адекватность интерпретации авторского замысла возможно при совпадении фоновых знаний – «знаний реалий и культуры, которыми обладает пишущий и читающий» [Валгина 2003: 13]. Известный публицист Максим Соколов постоянно обращается к произведениям самых разных авторов самых разных эпох. Вот как он оценивает действия Р. Абрамовича: «Если в скором будущем эскадра Р.А. Абрамовича сойдется в сражении с 6-м флотом США, еще неизвестно, кто одолеет – скорее всего Роман Аркадьевич. Однако, вместо того, чтобы ударными темпами строить яхту-авианосец, Р.А. Абрамович отдался чревоугодию и устроил в Нью-Йорке **пир Тримальхиона**. Как сообщили camerieri итальянского ресторана, где пировали Тримальхион и девять его клиентов, были съедены карпаччо с трюфелями, филе миньон и ригатони алла сичилиана (т.е. рожки большого диаметра под соусом из томатов, чеснока и каперсов), выпито три бутылки вина, а поскольку на десятерых три бутылки мало будет, то еще и отлакировано "Джонни Уокером"...» (Известия. 2009. 6 ноября). Журналист отсылает читателя к тексту Петрония, предполагая, что читатель помнит описание Тримальхиона как выскочки, стремившейся покорить своих гостей роскошью и ученостью. Интерпретация созданного Соколовым образа Абрамовича будет затруднена, если реципиент не знает прецедентного текста.

Надо отметить, что для публикаций М. Соколова характерно обращение к мало известным широкой публике текстам, при этом он не указывает авторов цитируемых произведений. Это замечание особенно важно, т.к. обращение к прецедентному тексту нацелено на выстраивание ассоциативного ряда: мы воспринимаем не цитату буквально, а вспоминаем все произведение: художественные образы, идеи, темы, мотивы. Не менее значимо и отношение участников коммуникативного акта к автору цитируемого произведения. В материале о борьбе с антинародным греческим режимом М. Соколов пишет «Совершенно как у **веймарского старца** «Все, чем владею, вдалеку куда-то скрылось, // Все, что прошло, возстало, оживилось», и не диво, если завтра в борьбу включится еще и Анджела Дэвис, а движение «Наши» в ее поддержку станет пикетировать посольство США» (Известия, 2010. 12 марта). Фоновые знания читателя должны содержать сведения о том, кто такой веймарский старец, чтобы понять, почему именно к его творчеству обращается публицист. Достаточно часто поэтические в авторской колонке М. Соколова появляются строчки из мало известных массовой аудитории произведений А.К. Толстого (практически всегда без указания фамилии автора): *Однако загодя впадать в неумеренное бодрчество – «С каким достоинством глядят, // Они, подпрыгнувши неволью, // И, потираясь, говорят: // Нисколько не было нам больно» – было бы столь же неразумным, сколь и загодя предаваться противоположному состоянию крайнего уныния насчет того, что завтра кованой пятой, как змия спящего, раздавят»* (Известия. 2.09.2008); *«Хор национал-большевистских пастушек запел пасторальное: "Земля цветами новыми // Покрылася опять, // Пошли быки с коровами // В весенний луг гулять", а им приятным баритоном вторил энергетический вице-премьер Игорь Иванович: "И силой обаятельной// За стадом их влеком, // Готов я бессознательно // Сам сделаться быком"»* (Известия. 16.01.2009). Последний пример показывает, что только тот адресат послания, который знаком с творчеством поэта и помнит первую строку стихотворения «Боюсь людей передовых», способен наиболее точно и полно интерпретировать идею автора. Безусловно, газетная публицистика М. Соколова рассчитана на образованного читателя, фоновые знания которого позволяют интерпретировать многочисленные образы культуры, которые колумнист включает в свое произведение.

На подобный тип читателя ориентировано и публицистическое творчество А. Бильжо, А. Боссарт, Дм. Быкова, А. Гениса, В. Третьякова и др. Так, интертекстуальность становится основным приемом создания публицистического образа и средством критики современной действительности в материалах Дм. Быкова. Вот типичный пример, доказывающий это: «Таков **Бернард Шоу**, чья горькая сатира "**Цезарь и Клеопатра**" воспринимается сегодня как пронзительная лирика; таков и **Торнтон Уайлдер**, написавший "**Мартовские иды**" – лучший исторический роман XX столетия. Скептиком и мизантропом был и **Шекспир** 1599 года; от его версии убийства **Цезаря** отталкиваются все следующие интер-

претаторы (художники, а не историки). **Брут** участвовал в заговоре, руководствуясь высокими идеалами и защищая римскую свободу. Свобода римлянам оказалась не нужна. Народ не простил аристократам убийства любимого вождя, вдобавок богато одарившего рядовых римлян в своем завещании. **Кассию и Бруту** пришлось покончить с собой (их разгромил верный **Цезарю Антоний**), а вместо умного, благородного и умеренного тирана, надеявшегося превратить Рим в сверхдержаву сверхлюдей, к власти чередой пошли банальные властолюбцы, чье постепенное вырождение и погубило Рим» (Известия. 2011. 15 марта). Здесь можно говорить и еще об одной проблеме, связанной с интерпретацией – это проблема символического кода текста: «Символические коннотации означающих нередко требуют для прочтения и толкования специальной компетенции от коммуникантов» [Чепкина 2000: 187]. Дело в том, что образы культуры, образы художественных произведений, превратившиеся в символы, сегодня подвергаются пересмотру и переоценке.

В.С. Библер утверждал: «нравственность фокусируется не в моральных заповедях, но в некоторых образах культуры, в личных трагедиях Эдипа, Прометея, Гамлета, Дон-Кихота» [Библер 1990: 315]. Однако сейчас все уже не так однозначно, наиболее ярко смещение привычных смыслов и критериев оценки наблюдается при обращении современных публицистов к произведениям советской эпохи. Особую роль в преломлении знакомых образов и символов играют, на наш взгляд, всепроникающая ирония и полистилизм. Э.В. Чепкина вводит даже понятие «иронический цинизм» [Чепкина 2000: 221]: в материалах современных масс-медиа действительно невозможно найти тем, проблем, объектов, которые не подвергались бы иронической оценке. В этом ряду и прецедентный текст также подвергается оригинальной интерпретации, требующей активного со-творчества реципиента.

Например, по-новому взглянуть на хорошо известные тексты и события предлагает читателю «Новой газеты» Дм. Быков: «Мэр московский, финансовый гений, из всего создающий рубли, нам напомнил масштаб преступлений, совершенных во имя любви. Назовем, например, **Менелая**, что еще до **гомеровых** дней, воротить свою Лену желая (как Батурина, только бедней), соответствуя древнему строю, обнажил свой **спартанский оскал** и разрушил **красавицу-Трою** так, что **Шлиман** едва отыскал. Ну и в чем твоя выгода, Спарта? **Менелая** судить не рискну, но припомню еще **Бонапарта**, что спалил ради страсти Москву. Так любил он свою **Жозефину**, сверхдержавы своей госпожу, – из Кремля-де Царь-колокол вынул и к ногам-де твоим положу! Не поставив Москву на колени, извини за двусмысленный стих, на святой он закончил Елене: все герои кончают на них». Ироническое прочтение трагических и героических страниц истории требует не только отличного знания указанных в газетном тексте произведений и фактов, но и готовности по-новому взглянуть на хорошо известное и привычное. Концентрацией данной тенденции стал только что стартовавший на телеканале «Дождь» проект «Поэт и гражданин»: автор и продюсер А. Васильев, стихи пишет Дм. Быков, читает М. Ефремов; печатная версия в «Коммерсанте». Критическая (ироническая или сатирическая) оценка современной действительности представлена в форме хорошо узнаваемого стихотворения одного из самых известных поэтов, А. Пушкина, М. Лермонтова, Н. Некрасова, А. Ахматовой и др. Трансформация хрестоматийных текстов и сейчас, в эпоху иронии и стеба, оценивается неоднозначно: новая интерпретация того, что принято считать образцом, идеалом, совершенством многими рассматривается как неоправданная дерзость.

Еще один аспект проблемы интерпретации произведения, основанного на интертекстуальности, связано с эссеизацией газетной публицистики. Причем трактуется данная тенденция по-разному. Например, М.Б. Раренко считает, что многочисленные аллюзии «свидетельствуют о безграничном доверии повествователя к читателю» [Раренко 2000: 230]. А вот Л.Г. Кайда предупреждает о распространении вируса эссе: «Необузданный поток «эссе» буквально накрыл массовую аудиторию... Застонала от тяжелого вирусного заболевания и русская газетная публицистика. Свобода эссе – это не парад экстравагантных мыслей, демонстрирующих симптомы болезни, именуемой нарциссизмом. Повальное увлечение эссе лишь стимулирует в обществе тягу к самолюбанию, «яканью» и стремлению выделиться» [Кайда 2007: 294]. Действительно, жонглирование цитатами, именами, названиями прецедентных текстов зачастую затрудняет восприятие газетной публикации, интерпретацию заложенного в ней смысла. Восприятие произведений талантливых авторов превращается для одних в увлекательное путешествие или разгадывание кроссворда, а для других – в мучительное преодоление препятствий.

Известный писатель и публицист А. Генис так отреагировал на арабскую революцию: «*Призвание историков в том, чтобы избавить историю от свободы и спасти нас от хаоса. Они справлялись с этим, заставив историю повторяться. **Тираны и варвары, герои и развратники, полководцы и отравитель-***

ницы – все они кочуют по эпохам и страницам, выполняя миссию, возложенную автором, ибо лучшие историки – писатели и моралисты... В сущности, и **Ливий**, и **Тацит**, даже **Гиббон** – были гениальными компиляторами со сверхзадачей... Мне дорог **Геродот** за то, что он, как общительный пес, остаивается у каждого столба и рассказывает о нем все, что того стоит. Я люблю **Тацита**, зная, что понять его можно, лишь повертев каждую фразу, как кубик Рубика. И раз в пятилетку я перечитываю **Плутарха**, сумевшего уложить всю античность в полсотни интенсивных, как в Голливуде, сюжетов... У истории есть все, чему она научила младшую сестру — прозу. Они, словно заранее извиняясь за свою второсортность, указывают на смягчающее вину обстоятельство – не полноценный роман, а исторический. Он и впрямь вправе рассчитывать на снисхождение ввиду пользы для подрастающего поколения, которое, как это случилось со мной в третьем классе, сможет узнать из книги **«Батый»**, каким образом монголы ломали хребты пленным витязям. Подобные книги пишут по карточкам, и они не приносят вреда, если их не путать с настоящими. Никому ведь не придет в голову назвать историческим романом **«Капитанскую дочку»** или **«Три мушкетера»**, или **«Войну и мир»**... Даже **Достоевскому** это удалось только наполовину. Его героини суть одна и та же навшая красавица: меняются имена и масть, но не роль и характер. Из всех исторических романов лучший, по-моему, **«Сатирикон»**. Но не тот, который написал **Петроний**, а тот, что поставил **Феллини**. Как всякая подсмотренная жизнь, его фильм без конца и начала.... И тогда прав **Анджей Вайда**. Предваряя показ **«Катыни»**, он сказал: «История становится частью национального сознания тогда, когда о ней снимают кино» (Новая газета. 2011. 10 марта). Публицист объясняет события настоящего, обращаясь за «помощью» к разным авторам и произведениям далекого и не очень далекого прошлого. Сложная система ассоциаций позволяет «играть» смыслами и значениями, предоставляет читателю, при условии наличия у него необходимым фоновых знаний, огромное пространство для размышлений, для интерпретации не только лежащей перед ним газетной публикации, но и прецедентных текстов, к которым его отсылает автор.

Талантливый публицист хорошо понимает, что «эссеист лишь предлагает допустимые новые взгляды на вещи и приглашает читателя исследовать их самому, проверить своим опытом, действительно ли эти новые взгляды на вещи являются плодотворными... Деликатные и уважительные отношения «автор-читатель» – своеобразный знак качества эссе» [Кайда 2007: 280]. СМИ как определенный инструмент социализации во многом способствует приобщению человека к культуре. Включение в газетный материал элементов художественных и нехудожественных текстов, исторических фактов, событий, личностей способно превратить богатый опыт многих поколений в индивидуальный опыт каждого читателя. Кроме того, интертекстуальность способна ярче, интереснее, оригинальнее показать разнообразие представлений об окружающей действительности. Основная задача публициста, когда он обращается к прецедентным текстам, – предложить читателю новый взгляд на события настоящего и прошлого, обеспечить возможность поиска смыслов, но при этом не разрушить целостность и связность текста множеством интерпретаций, порой взаимоисключающих друг друга.

Литература

- Библер В.С. От наукоучения – к логике культуры. М.: Политиздат, 1990.
- Валгина Н.С. Теория текста: Учебное пособие. М.: Логос, 2003.
- Ильин И.П. Постмодернизм. Словарь терминов. Москва: ИНИОН РАН (отдел литературоведения) – INTRADA, 2001.
- Кайда Л.Г. Эссе и эссеизация современной газетной публицистики // Язык массовой и межличностной коммуникации. М.: Медиа-Мир, 2007. С.268-300
- Клушина Н.И. Публицистический текст в прагматическом аспекте // Язык массовой и межличностной коммуникации. М.: Медиа-Мир, 2007. С.75-107.
- Кройчик Л.Е. Стратегические ресурсы публицистических текстов // Эволюция жанров в российской журналистике: Сб. научных статей II и III Всероссийских конференций. Самара: Протопринт, 2010. С.317-327.
- Пузырев А.В. Трансформации интерпретации текста: методолого-практические аспекты // Язык и культура в России: состояние и эволюционные процессы: материалы международной научной конференции / отв. ред. Н.А. Илюхина, Н.К. Данилова. Самара: изд-во «Самарский университет», 2007. С.243-247.
- Раренко М.Б. Национальный образ русской речи // Дискурс, речь, речевая деятельность: функциональные и структурные аспекты. М., 2000. С. 228-230.

Современный философский словарь / Под общ. ред. проф. В.Е. Кемерова. Лондон, Франкфурт-на-Майне, Париж, Люксембург, Москва, Минск: ПАНПРИНТ, 1998.

Тамерьян Т.Ю. Интертекстуальность vs прецедентность в пространстве постмодернизма // Язык и культура в России: состояние и эволюционные процессы: материалы международной научной конференции / отв. ред. Н.А. Илюхина, Н.К. Данилова. Самара: изд-во «Самарский университет», 2007. С.249-253.

Федосюк М.Ю. В каком направлении развивались стили русской речи XX века // Филология и журналистика в контексте культуры. Материалы Всерос. науч. конф. Вып. 4. Ростов-на-Дону: Ростовский госуниверситет, 1998. С.3-4.

Чепкина Э.В. Русский журналистский дискурс: текстопорождающие практики и коды (1995-2000). Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2000.

Н.А. Илюхина (Россия, Самара)

КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИЯ СУТОЧНОГО И ГОДОВОГО ВРЕМЕНИ: СЕМАСИОЛОГИЧЕСКАЯ И ЛИНГВОКОГНИТИВНАЯ ИНТЕРПРЕТАЦИЯ МЕТАФОРИЧЕСКИХ ВЫСКАЗЫВАНИЙ

Концептуализация такого абстрактного феномена, каким является время, происходит с использованием метафорических образов – перемещающегося предмета, огня, света, живого существа (антропоморфных и зооморфных метафор) и других. Например: *День уходил; Сиял солнечный июльский день; Догорал летний вечер; Пришла зима; Ворвалась внезапная осень* (Горбовский); *Этот август... как он пролетел, Как он был почти безбожно краток...* (Галич); *Уж осени холодной рукою Главы берёз и лип обнажены...* (Пушкин).

Решающую роль в выборе образов в качестве средств концептуализации времени играют отношения смежности – соположенность времени с реалиями, которые служат показателями его динамики. Эта закономерность наиболее очевидна в картине моделирования циклического – суточного и годового – времени, анализу которой посвящена данная статья.

В качестве стереотипных средств образной концептуализации суточного времени в русской языковой картине мира используются метафоры огня и метафоры перемещения предмета: *Догорает день; Разгорается утро – Уходит день; Приходит утро*. Выражения *Догорает день* и *Уходит день; Разгорается рассвет* и *Приходит рассвет* не оставляют сомнений в семантической эквивалентности применительно к одной ситуации и, соответственно, в наличии системных отношений между двумя метафорическими образами, которые воплощаются в данных выражениях.

Сущность и генезис межобразных системных связей получают принципиально разную интерпретацию в рамках семасиологического и лингвокогнитивного подходов.

С семасиологической точки зрения факт синонимического сближения метафорических образов огня и перемещения предмета на фоне принципиального различия выражаемых ими эмпирических представлений и совокупных семантических потенциалов образов ставит задачу поиска семантических оснований межобразной синонимии. Эти основания кроются в том, что оба образа в целом способны – каждый в соответствии со своей семантической спецификой – акцентировать динамику суточного времени.

Образ огня как средство метафорического моделирования суточного времени актуализирует динамику суточного времени, акцентируя преимущественно начало и конец дневной части суток – указывая на начало, разгар и конец дня, на начало и разгар утра, на конец вечера.

Наряду с этим образ огня дополнительно указывает на динамику интенсивности света и тепла в течение суток (уменьшение / увеличение интенсивности света, понижение / повышение температуры: минимальную интенсивность света и тепла на рассвете, наивысшую в середине дня, уменьшение интенсивности с наступлением вечера), на цветовую гамму утреннего и вечернего неба в период восхода и заката солнца и т.д., т.е. комплексно характеризует время суток. Приведем примеры: *В небе ясном заря догорала* (Кооль); *Пылал июльский день; Угасал длинный летний день...* (Щукин); *Ненастный день потух...* (Пушкин); *Подожди, погаснет скучный день...* (Гумилёв); *Горит восток зарею новой* (Пушкин); *...ночь, божественная ночь, величественно догорала* (Гоголь). В связи со способностью комплексно (эмпирически конкретно) представлять динамику суточного времени образ огня чаще используется в художественных пейзажных фрагментах – когда суточное время описывается в чувственно-наглядном восприятии лица.